

Об аресте, больничной тюрьме, нелегальном положении и знакомстве с Алексеем Гастевым

<http://oralhistory.ru/talks/orh-525>

🎙 24 декабря 1975

Собеседник

Гастева Софья Абрамовна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 24 декабря 1975 и опубликована 3 сентября 2019.

Введение

Первая беседа с Софьей Гастевой (урожденной Гринблат) начинается с кратких рассказов о семье и раннем участии в антиправительственном движении. После окончания гимназии Софья Абрамовна поступила на работу в больничную кассу при Путиловском заводе, которая считалась революционной ячейкой и регулярно полностью арестовывалась полицией. Летом 1916 года Гастева была арестована вместе с коллегами. Во время следствия Софья Абрамовна заболела брюшным тифом и около двух месяцев провела в тюремной больнице, о которой красноречиво рассказывает. По решению Охранного отделения Гастеву должны были этапировать в Тургайскую область, но ее мать добилась послаблений: в связи с болезнью было разрешено добираться до места ссылки за свой счет. Зимой 1917 года Софья Абрамовна вышла из тюремной больницы с распиской об обязательстве проследовать в ссылку, но осталась в Петрограде с поддельными (переменив фамилию с Гринблат на Гринберг) документами и стала связной революционного подполья. После Февральской революции она работала в ставшей официальной газете «Правда». 17 июня 1917 года Гастева отправилась к Александру Шляпникову отдать подотчетные партийные деньги. В гостях у Шляпникова она познакомилась со своим будущим мужем, Алексеем Гастевым. Беседа заканчивается кратким, но все равно жутким рассказом об аресте Гастева в 1938 году и собственном аресте в 1939.

О детстве и семье

Виктор Дмитриевич Дувакин: Софья Абрамовна, расскажите сначала про себя немножко: дату рождения точную, где вы родились, в какой семье. В общем 15 – 20 минут о себе расскажите.

Софья Абрамовна Гастева: Родилась я в семье рабочего. Как это назвать, я не знаю. Он не то, что на заводе работал, он был портным.

В. Д.: Еврейский ремесленник, да?

С. Г.: Еврейский. Он был военным портным.

В. Д.: А, военным портным. А в каком городе?

С. Г.: Он родился в Новгородской области, в Аракчеевке.

В. Д.: А вы?

С. Г.: А я родилась в Варшаве. Я родилась в 1899 году.

В. Д.: Значит, сейчас вам идет семьдесят шестой год.

С. Г.: Да.

В. Д.: Еще не исполнилось. А, нет, уже исполнилось, семьдесят седьмой.

С. Г.: Исполнилось, да. Вот только исполнилось.

В. Д.: А удалось вам получить образование?

С. Г.: Да. Мне было шесть лет, когда... Знаете, это были такие ремесленники-кустари, которые на одном месте... Они, что называется, искали счастья, работы. Бывало, приедут на новое место и начинают работать, все как будто бы хорошо. Потом проходит какой-либо срок, почему-либо нет работы.

В. Д.: Конкуренция есть.

С. Г.: Конкуренты там, всякое. В общем, я родилась и брат мой успел родиться еще в Варшаве, а потом отец с каким-то товарищем, тоже евреем...

В. Д.: Ремесленником.

С. Г.: Фамилия его Дониман была, а больше я о нем, конечно, ничего не помню.

В. Д.: Но тоже ремесленник был?

С. Г.: Такой же портной. Они вместе поехали в Белоруссию. Кто-то им сказал, что там военных портных нет.

В. Д.: Сколько же лет вам было, когда вы уехали из Варшавы?

С. Г.: Шесть лет.

В. Д.: А, значит, вы по-польски не говорили?

С. Г.: Я не говорю. Я только отдельные слова знала и то перезабыла теперь. А поселились они... Сначала уехали отец и вот этот его компаньон. Они приехали в Могилев в Белоруссии и там открыли небольшую мастерскую. Оба они на паях работали.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: В общем, оба кроили и шили. Там стояли два пехотных полка, что ли, и работы им...

В. Д.: Хватало.

С. Г.: Вывеска, помню, была.

В. Д.: Так что все-таки обеспеченные более или менее были.

С. Г.: Более или менее.

В. Д.: Достаток в семье был?

С. Г.: Потом Дониман почему-то уехал. Ну, кто-то посулил что-то другое, и он уехал. Папа остался один. И мы там жили. В общем, я там кончила среднюю школу.

Учеба в гимназии

В. Д.: Среднюю школу? Гимназию или начальную школу? Вы в начальной школе учились?

С. Г.: Нет.

В. Д.: Прямо поступили в гимназию?

С. Г.: В гимназию.

В. Д.: А кто же вас готовил в гимназию?

С. Г.: Готовил? Собственно говоря, я не...

В. Д.: В первый класс надо было готовиться, это то же, что теперешний третий примерно. Надо было уже знать...

С. Г.: Я только помню, что перед самыми уже экзаменами была такая учительница, у которой все проходили предэкзаменационную подготовку. Но недолго это было, несколько месяцев. Как я научилась читать, я просто не помню. Как-то само собою получилось.

В. Д.: А, вообще, отец-то был грамотный?

С. Г.: Очень грамотный.

В. Д.: Грамотный. Ведь евреи-ремесленники были очень разного уровня, он был так...

С. Г.: Семья была более или менее, как вам сказать, по тем временам современная.

В. Д.: Книжки были?

С. Г.: И книжки появлялись в доме. Он в свободное время читал немного, но много ведь работать приходилось.

В. Д.: Конечно, конечно.

С. Г.: Я помню в детстве переломилось... Вот вы говорите про обеспеченность. Был какой-то период...

В. Д.: Достаток какой-то был?

С. Г.: Сбережений не было, по-моему.

В. Д.: Он мог учительнице заплатить?

С. Г.: Ну, это-то... Но когда он заболел, то было... Я совсем еще маленькая была, но я это помню, что он тяжело болел, что-то вроде тифа у него было, и долго не мог работать. Тогда была нужда большая. А потом, как только он поправился, вылез из этой нужды, мы жили... Родители мои очень любили животных, держали собаку, кур, уток и всяких таких. В общем, жизнь была.

В. Д.: А большая семья была? У вас много братьев и сестер?

С. Г.: Вообще, мать рожала несколько раз, но первый ее сын умер маленький, потом вот я родилась, потом родился мой брат, и после этого родилась девочка в Могилеве. Между нами был порядочный уже разрыв. Она умерла сразу после рождения, через неделю.

В. Д.: Я чувствую, что вы говорите с затруднениями, поэтому если вам не мешает, я буду задавать вопросы.

С. Г.: Пожалуйста.

В. Д.: А если у вас гладко, хорошо, буду молчать.

С. Г.: Да.

В. Д.: Скажите, а учились вы в Могилеве?

С. Г.: В Могилеве.

В. Д.: В казенной гимназии?

С. Г.: Нет.

В. Д.: В частной.

С. Г.: Понимаете, вся группа, которая занималась у этой учительницы, держала экзамен в казенную гимназию. Там была Мариинская гимназия. И как-то так получилось, что я сдала хорошо экзамены, а все ж таки не попала!

В. Д.: Это вы просто, наверное, не попали из-за процентной нормы, два процента.

С. Г.: И никто, насколько я помню, из нашей группы не попал. Мы все пошли в частные гимназии.

В. Д.: Гимназия была хорошая?

С. Г.: Как вам сказать, учились, по-моему, более или менее нормально. Вообще, начальница гимназии была страшная черносотенка.

В. Д.: В каком году вы пошли в гимназию? С восьми лет или с девяти?

С. Г.: Нет, значительно раньше, значительно раньше.

В. Д.: В первый класс гимназии принимали...

С. Г.: Семь лет, по-моему.

В. Д.: Так вы, наверное, все-таки до гимназии в начальной школе учились?

С. Г.: Нет, я не помню, чтобы я до...

В. Д.: Вы поступили в первый приготовительный класс гимназии?

С. Г.: Очевидно. По правде говоря, я уже забыла, был ли там приготовительный класс. Нет, по-моему, в первый класс.

В. Д.: Значит, кончили гимназию — вам было сколько лет?

С. Г.: В 14-м году мне было пятнадцать лет.

В. Д.: Вы кончили гимназию?

С. Г.: Кончила, да.

В. Д.: Значит, пятнадцати лет вы кончили гимназию?

С. Г.: Да.

В. Д.: С правами учительницы? Ведь женская гимназия давала права учительницы.

С. Г.: Нет, я...

В. Д.: Если вы восьмой класс кончали. Нет?

С. Г.: Нет.

В. Д.: Значит, семь классов. Ну, правильно, пятнадцать лет.

Переезд в Петроград и учеба в Психоневрологическом институте

С. Г.: А я уехала в Петроград. Как раз началась война тогда. И я поступила в Психоневрологический институт.

В. Д.: Ах, даже поступили в институт.

С. Г.: Да.

В. Д.: Гимназию вы кончили хорошо?

С. Г.: Гимназию я кончила довольно хорошо, во всяком случае, троек, по-моему, не было.

В. Д.: Но без отличия, без медали.

С. Г.: О! Медали — это шло такое соревнование, а я не честолюбива была. Мне не очень трудно было учиться, но бороться за медаль — это вообще скучное дело.

В. Д.: Правильно.

С. Г.: Подсигивали друг друга, вообще всякое. Ну, я училась... К этому времени у родителей был какой-то определенный недостаток. Он все-таки зарекомендовал себя работой. Все шло нормально, но ведь это было военное время, все менялось очень быстро.

В. Д.: Могилев взяли немцы.

С. Г.: А я уже была в Петрограде.

В. Д.: А когда вы уехали в Петроград?

С. Г.: Я вам скажу: до революции еще, нет, наверно, во время революции. Нет, я боюсь спутать. Я даже об этом времени как-то забыла. Родители мои потом переехали в Петроград.

В. Д.: Отец еще жил, да?

С. Г.: Да! Отец еще жил, и мать жила, и брат был у меня. Ну вот. Я жила сама, когда я училась уже в институте.

 Я уже попала в такую шибко революционную среду. Как вам известно, Психоневрологический институт — это было сборище всех таких представителей разных толков.

В. Д.: Революционеров всех партий.

С. Г.: Революционеров разных толков. Я там, конечно, стала участвовать в кружке марксистском, очень много знакомств завела.

В. Д.: Простите, а попали вы в Психоневрологический институт?

С. Г.: А там ведь, это же бехтеревский. Он прав не давал, институт прав не давал.

В. Д.: Прав на высшее образование. Он не был врачебным?

С. Г.: Там был и врачебно-медицинский факультет, и были все гуманитарные факультеты.

В. Д.: Психоневрологический институт в Ленинграде — очень мало у меня о нем. Вот расскажите о нем, пожалуйста. Вузы

меня очень интересуют.

С. Г.: Психоневрологический институт — это было создание Бехтерева. Как вам известно, он профессор, врач, медик, психиатр. И большинство поступало в институт на медицинский факультет, рассчитывая на безбедную жизнь. Я поступила вначале на медицинский. Потом я там участвовала в марксистских кружках. Вообще, как вы знаете, очень рано выросли дети. То, что у нас сейчас считаются дети маленькими еще, мы уже считали, что мы уже взрослые, можем сами решать все.

В. Д.: Они тоже считают, но только полагают, что папы и мамы должны опекать и содержать. А вас родители продолжали содержать оттуда? Или нет? Чем вы жили?

С. Г.: Мне помогали очень мало родители. Они хотели, чтобы я научилась какому-нибудь ремеслу, а я не хотела. Я много очень читала, вообще интересовалась многими вопросами. И я не то чтобы самовольно, но я поехала и поступила. Договорилась, что я поеду устраиваться, и поступила. Мне, наверное, присылали рублей десять в месяц — по тем временам жить можно было, но в общем, конечно...

В. Д.: Нет, десять рублей в месяц, конечно, мало.

С. Г.: Мало, но я подрабатывала. Я занималась уроками. Я уроки давала. Я еще в школе, когда в гимназии училась, давала уроки.

В. Д.: По русскому языку и литературе? Или по математике?

С. Г.: По русскому языку, по литературе, по истории, — кто с чем отставал.

В. Д.: Репетиторством тогда это называлось.

С. Г.: Да, но это было сезонное занятие: перед экзаменами своих подруг натаскивала.

В. Д.: А моложе одним-двумя классами — это уже был заработок. Я так же начинал.

Путиловская больничная касса

С. Г.: Да, так это и было. А потом я поступила (это уже было в конце 15-го года) в Путиловскую больничную кассу работать. У меня уже были...

В. Д.: Идеи социал-демократические.

С. Г.: Да. Видите ли, я была в кружке, все активно очень жили. Так получилось, что мне стало трудно жить материально, и тогда же ведь было необязательное посещение лекций.

В. Д.: Да.

С. Г.: И я поступила в Путиловскую больничную кассу. У меня получились связи социал-демократические. Кружок у нас был официально марксистский, но там были и меньшевики, и большевики.

В. Д.: Понятно. Поступление в эту больничную кассу — это была революционная работа или заработок?

С. Г.: Нет, больничная касса — это...

В. Д.: Был заработок.

С. Г.: Это страховая касса для рабочих.

В. Д.: Я понимаю, но ваша работа...

С. Г.: Но там все больничные кассы были очагами революционной работы.

В. Д.: Это так, но все-таки вы как платный работник?

С. Г.: Как платный работник. Там все были платные работники. Ну и сразу у меня определился ход жизни, а потом Путиловская касса была одной из ведущих в Петрограде. И штат там был большой, человек шестьдесят, может быть, немножко меньше. Я точно не помню, но примерно пятьдесят. Там было много работников. Касса же выдавала страховые взносы, когда человек заболел, какую-то помощь там. В общем, много требовалось и канцелярской работы, и работы на выдаче пособий, на оформлении пособий и так далее.

Арест

На эту кассу, на Путиловскую, регулярно, раз или два в год бывал налет полиции. И вот в 16-м году нагрянула полиция, и всю кассу, нас, отправили, повели прямо по улице. Это было за Нарвской заставой. Там вообще транспорт был только один: трамвай до заставы. Нас просто пешочком направили в участок. Там мы переночевали. Жуткий клоповник, между прочим, это я запомнила. А утром, через какую-то пару часов почему-то отобрали человек десять – двенадцать, в том числе и меня, и отвезли в Охранное отделение, а остальных отпустили. Причем это каждый год повторялось, примерно раз или два каждый год — вот такое.

В. Д.: А Психоневрологический институт вы к этому времени бросили? Или еще...

С. Г.: Я не бросила, я числилась. Нет, я посещала, кое-что сдавала. Можно было сдать наперед, можно было сдать запущенное. Вообще там было либерально, каждый во что горазд был.

В общем, так получилось, что меня не выпустили. Я там сидела, как все, которых привозили, на Выборгской стороне в женской тюрьме в одиночке. Конечно, я была неопытна, но я очень быстро... Как это ни странно, там была проведена канализация, в камерах был унитаз.

В. Д.: Значит, параш не было.

С. Г.: Параш не было. Там просто, как вам сказать, была как пенал камера. Там был туалета кусочек.

В. Д.: Унитаз и...

С. Г.: И умыться можно было. Сначала меня научил, как перестукиваться там, сосед из соседней камеры. Ну, это наука, так как много читали, много рассказывали. В общем, мы знали немножко это всё.

” А потом мне сказали при перестукивании, что не надо так затрудняться, а можно говорить по... Там канализационные трубы были такие прямые.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: Если вычерпать какой-нибудь склянкой или чем-нибудь, — там не давали, но все же кружка какая-то была, — так можно было...

В. Д.: Говорить.

С. Г.: Прямо как по телефону. Вообще, я потом вспоминала, как это было.

В. Д.: С некоторым даже лирическим сожалением (*смеется*).

С. Г.: Да. Водили меня на допрос, спрашивали. Конечно, я отвечала, что я ничего не знаю и не понимаю, почему я сижу, почему меня забрали. Называли там каких-то людей, кстати, некоторых я знала, но я, конечно, делала вид, что никого и ничего не знаю. В конечном итоге это было так же, как делалось и в 37-м, только в миниатюре. Кончалось это все тем, что суда никакого не бывало, — это было военное время, — а просто вызывали и давали подписать ссылку или вольную ссылку, либо просто в места не столь отдаленные.

Тюремная больница

Я в самом начале, через две недели или через месяц, — я не помню, жизнь потом была так сложна, что не очень об этом думалось, — я заболела. Причем я тщательно скрывала от надзора, что я больна. Я чувствовала, что я заболеваю, — меня знобило, мне было нехорошо, — но я скрывала, потому что я знала, что в этой тюрьме есть каторжное отделение. Там была женская тюрьма, в которой была срочная каторга. То есть люди, получившие каторжный срок, отбывали в Петрограде. Там были мастерские пошивочные, еще какие-то. Причем в этом корпусе, где было каторжное отделение, была больница на всю тюрьму. Для политических отдельно больницы не было. Я боялась попасть в больницу. Почему — я не знаю, собственно.

В. Д.: Ну, боялись ^пурок.

С. Г.: Нет, меньше всего их боялась. Ну, я не знаю, почему. Потому что я все-таки была девочка совсем молодая.

В. Д.: Значит, в 16-м году вам было семнадцать лет. Сколько же вы просидели там?

С. Г.: Ну, в общем я просидела по-моему... Примерно незадолго до 17-го года, в конце года я сидела.

В. Д.: 16-го.

С. Г.: Да, 16-го. Не зимой, а я попала летом.

В. Д.: А выпустили вас зимой.

С. Г.: Понимаете, меня не то, что выпустили, меня все-таки... Когда там старшие, с которыми я сидела, — я их не видела, но я знала, что там люди старше меня, — узнали от меня, что я больна, что я себя очень плохо чувствую, что у меня голова болит, меня тошнит и так далее, тогда они стали настаивать, все они стали вызывать меня по этому «телефону»...

В. Д.: Канализации.

С. Г.: Да, и никто не обращал внимания, между прочим, насколько мне помнится, никто. Настойчиво настаивали, чтобы я заявила, чтоб мне врача прислали. Вот тогда я и решила, потому что я очень плохо уже себя чувствовала. Оказалось, что у меня тиф брюшной. Оказалось это уже в больнице. Меня отправили в больницу. Это тут же во дворе. Действительно, часть корпуса была больницей, а часть была та, куда я, по крайней мере, никогда не заходила. Там не было сообщения такого, но в самой больнице было очень много каторжан. Там были не только каторжанки, там были ротницы, в общем убийцы большей частью, и политические там были, мало, правда. Вот я помню очень хорошо княжну <нрзб>. Она была анархисткой и имела пятнадцать лет сроку. Она там отбывала.

В. Д.: Она что, была террористка?

С. Г.: Нет. Она не была, по-моему, террористкой. Я не знаю. Я подробно ее дело не знаю. Она даже заходила ко мне туда в корпус, то есть в палату, но я уже не помню. Так в разговоре не касались этого. Вообще, не велось как-то, чтобы

рассказывать. А вот персонал весь больничный — это были исключительно уголовники такого типа: воровки со всеми специальностями, домушницы и какие-то другие, ротницы.

В. Д.: Что такое ротницы?

С. Г.: Арестантские роты. Это было больше, чем тюремное наказание. Тюремное наказание — это одно, а арестантские роты — это...

В. Д.: Более тяжелое?

С. Г.: Считалось, что более тяжелое. В общем, там только срочные были. Я же была в следственном корпусе, а в больнице я очутилась в корпусе, где отбывали срок. Ну и там было очень много: они были и сиделки, и повара, и все-все-все. Каторжанки не привлекались к обслуживанию, они в мастерских работали, но их лежало много в больнице.

Мне очень хорошо запомнился врач, старый, седой, я бы сказала, очень серьезного, сурового типа. По крайней мере, первое время мне казалось, что он на всех с неодобрением смотрит. Он оказался, между прочим...

Когда я познакомилась, там рядом со мной лежала крестьянка. Она была из какой-то деревни, я не помню откуда, из какой даже области. Она отбывала срок за убийство мужа. Преимущественно там были уголовные каторжанки. Очень много было мужеубийц: отравляли, и всё, что хотите. Она была такая смиренная, такая робкая женщина. Она как будто отравила мужа. Причины этому были, потому что очень плохо они жили. Очень было много таких, которые...

В. Д.: Ну, а что вы не досказали о враче.

С. Г.: А врач, понимаете, время от времени... И даже я, девочка еще, можно сказать, понимала, что лежат люди так. Он их клал, когда они приходили на что-то жаловаться. Он их на недельку положит, даст отдохнуть.

Я там долго лежала, месяца полтора или даже два, потому что у меня потом началось осложнение, воспаление почек было, и я долго лежала. Было одно время, когда у меня было очень тяжелое состояние. Видимо, казалось безнадежным. Я вспоминаю тот день, я это долго помнила, как он пришел. У меня кризис был. И когда я как-то очнулась, очень ослабевшая, но в сознании, и все стала видеть вокруг, я помню этот день, что он пришел и посмотрел на меня вот так из-под очков и улыбнулся. Я первый раз видела, чтобы он улыбнулся. Когда он взял мою руку, температуры уже не было. Кризис был очень тяжелый, и он был очень доволен. Тогда я поняла, почему вот эта самая — Виха мы ее называли, соседка, которая со мной лежала, которая убила мужа... Она была полька по происхождению, и никто ей никогда не помогал, никто ей не писал ничего. И он мне начал говорить, что слава богу, все будет нормально, и надо питаться сейчас обязательно. Он говорит: «У вас есть деньги на счету?» А как раз это было тогда, когда прошла военная прибавка. Я неожиданно стала богатой, то есть за все время, что я там работала и отсутствовала, мне начислили эту прибавку. Я помню, мы стали получать семьдесят два рубля в кассе, а получали значительно меньше.

В. Д.: Это большие деньги тогда.

С. Г.: Это были очень большие, но это было уже во время войны. Они, конечно, упали в цене, но все-таки я почувствовала себя богатой. «Ну вот, — говорит, — а у нас начальник тюрьмы дает обеды». Что значило «дает обеды» — он держал там свиней. Отходов было страшно много, потому что хлеба давали очень много, и хороший хлеб там пекли сами. Можно было быть сытым. Гречневая каша была и разные другие каши, суп, щи большей частью, так что можно было быть сытым.

Я эти деньги как раз получила, мне товарищи приносили передачу из больничной кассы. В числе тех товарищей был бухгалтер тамошний. Он все расчеты вел очень хорошо. Он мои деньги перевел на меня и часть оставил. Меня стали снабжать очень регулярно. Когда мне было плохо, я все лимон просила, а лимонов, видимо, не было. Мне яблоки принесли, но, конечно, я никого не видела. Все это через передачи давалось. Но дело в том, что можно было все сказать, все передать и вообще никакого секрета ни из чего не делали.

Раз у вас есть деньги — будете брать. Шестьдесят копеек, это я помню точно, стоил обед. Мне приносили судки с первым, вторым и третьим, причем такой порцией громадной, что я эту соседку подкармливала. Потом там была одна лежащая совершенно каторжанка, больная. Она в другой палате лежала, но я уже стала немножко двигаться и ей давала часть обеда. Я была, конечно, совершенно сыта этим обедом. В общем, я себя уже чувствовала...

Я могла делать выписку, они тоже могли, но была разница: политические могли выписывать все, что им вздумается, а им ограничивали выбор.

Я и для них выписывала иногда, так что ко мне очень хорошо [относились], даже до этого. Вначале я была настолько плоха, что никакой корысти им от меня, по-моему, не было. Я просто была очень молода, а они уже люди, прошедшие очень много в жизни, и у них довольно бурные биографии были. Поэтому ко мне они просто искренне хорошо относились.

В. Д.: И врач тюремный хорошо относился?

С. Г.: Видите, он мне предложил. Мне казалось, что он сурово смотрит, никогда ничего не говорит. А потом я сообразила, что он просто жалел, что вот такая девочка умирает. Я была действительно в очень тяжелом состоянии, но когда он увидел, что я поправляюсь, он как-то оттаял. Потом он мне устроил эти обеды: «Вы должны обязательно есть, потому что нужно поправиться». В общем, я уже стала ходить. А когда у меня началось воспаление почек, надо было ванну мне делать.

В. Д.: В тюрьме?

С. Г.: Раньше ведь так лечили ваннами почки. Я лежала на третьем этаже, а ванна была этажом ниже. А у нас была уборщицей, сестрой, няней, — я не знаю, как уж ее назвать, — такая, мне первое время казалось, что даже по внешности напоминает, так сказать, что она чем-то нехорошим занимается, но на самом деле она меня на руках носила на второй этаж.

В.Д.: В тюрьме были условия как в Переделкинском санатории.

Свидание с мамой

С.Г.: Я помню, я уже стала ходить, у меня неожиданно появилась связь с волей. Они меня научили, что можно за определенную мзду послать письмо. Можно послать надзирательницу домой, если у кого дом есть кто-то близкий, и там ей заплатят, допустим, три рубля. Я не помню, сколько там платили, потому что не я платила. У меня денег на руках не было. Выписывать я могла, а на руках денег не было.

Я узнала неожиданно... Когда меня забрали, я не сообщала родителям. Я решила, что утрясется как-нибудь, тогда я им сообщу. Не знаю, откуда-то тетка моя, которая жила в Ленинграде... Может, это моя фантазия тогда была, я не знаю... Меня везли на допрос на извозчике с Выборгской стороны. Я не знаю, какой был путь, но он лежал к Ротам. Вы Ленинград знаете?

В.Д.: Плохо.

С.Г.: Вот там жила моя тетка. И когда мы проезжали, — я и конвойный, больше никого не было на извозчике, — прошла женщина, которая остановилась и очень внимательно смотрела. Я даже привстала, потому что мне показалось, что это моя тетя. Откуда она узнала, я потом не стала выяснять, и вообще не до того было. Она сообщила родителям, и приехала моя мать. И вот в один день, когда я уже поправилась, что могла ходить, меня вызвали на свидание. Я была поражена, потому что думала, что никто ничего не знает. И я увидела мать. Она, конечно, нервничала, волновалась, а я ее успокоила, сказала, что ничего мне не грозит.

Подготовка к этапу

После посещения матери я сидела и писала. Я уже знала, что Особое совещание (так оно называлось) при Совете министров... Я получила ссылку в Тургайскую область без указания места. Там на месте указывается. И стала готовиться к этапу. Что значит «готовиться к этапу»? Во-первых, надо было во что бы то ни стало остричься. У меня были очень большие косы, просто невозможно было ехать так в этап. Нужно было, чтобы кто-нибудь меня постриг. Вот эти обслуживающие заключенные всё умели. Я всё просила: «Остригите меня!» А мне та, которая была у нас и которая носила меня в ванну в свое время, так она мне говорила: «Нет. Вот она сейчас куда-то послана на работу, вот она должна в такой-то день вернуться. У нее легкая рука, она тебя хорошо острижет». И я ждала, чтобы меня постригли. Вот это значило готовиться на этап.

Когда появилась мать, я сообщила, что мне дали вот... Причем там не был указан срок — до окончания войны, что ли. Значит, Кустанай, а там на месте дадут уже уезд, куда надо ехать.

В.Д.: Понятно.

С.Г.: В общем, мама моя хотела кого-то чего-то просить, но я ей сказала, что если куда-то пойдут и будут просить, то я тогда никогда домой не приеду и прошу никого ничего не просить.

В.Д.: Поехали вы или нет? Или уже революция помешала?

С.Г.: Понимаете, тогда она стала спрашивать, что нужно. Я сказала, что напишу еще отсюда. И я попросила эту сиделку, которая там прислуживала всем, чтобы она сговорила, что я напишу письмо, и она съездит вот по такому адресу. Она мне сказала, что можно так сделать. Ей там заплатят, она мне привезет ответ, все будет в порядке.

В общем, я сидела и писала письмо, очень наивно думая, что мне деньги — сделали меховую шапку и в подкладку положили (*смеется*), сделали карманы и туда положили деньги. Мне казалось, что я... Так будут смотреть. Вообще, я не думала о том, что это сейчас могут найти сразу. В общем, я писала матери письмо, и она должна была пойти. В это время идет начальница. Это необычный случай: начальница не приходила никогда. Идет и смотрит на меня, а я...

В.Д.: Заходит в камеру?

С.Г.: Это не камера была, а палата.

В.Д.: Ах, ну да.

С.Г.: Она зашла в палату. И я только позаботилась о том, чтобы куда-нибудь под подушку сунуть письмо. Я боялась, что она перехватит у меня это письмо. И она мне говорит: «Вот к кому я и иду! А я вам сейчас скажу что-то очень приятное».

Мать-то действительно пошла, но просила только одно. Куда там она пошла, я не знаю. Она просила, так как я очень долго лежала в больнице и слабенькая, по ее мнению, как всем матерям кажется, чтобы мне разрешили поехать за свой счет, а не по этапу послали меня. И это этой начальнице передали. Она мне сказала, что я уже этапом не поеду, а меня выпустят, чтобы я поехала за свой счет, что через три дня я буду выпущена, дам подписку, что поеду за свой счет. Я действительно была выпущена, причем привезли меня в начале лета, а это было в канун Нового года.

В.Д.: В канун 17-го года.

С.Г.: Нет, это было, может быть, на год раньше. Нет, это было, пожалуй, в канун 17-го года.

В.Д.: 17-го или 16-го?

С.Г.: Или 16-го? Я сейчас не могу вспомнить.

В.Д.: Вообще, спутать можно 17-й и 16-й год.

Выход из тюрьмы и переход на нелегальное положение

С. Г.: Да, я как-то... В общем, зимой я вышла. Я поехала сразу не туда, где мать остановилась у тетки, а я поехала к своим друзьям из больницы кассы.

В. Д.: Вот неблагодарность детей.

С. Г.: Да. И очень быстро решили, что я никуда не поеду, а перейду на нелегальное положение. Мне сфабриковали паспорт, все сделали, причем фамилию мою только немножко переименовали, а имя оставили то же самое, — просто написали новый паспорт.

В. Д.: Простите мое упущение — вы не сказали вашу фамилию тогда! Как же была ваша фамилия?

С. Г.: Гринблат.

В. Д.: Гринблат. Ее немножко изменили. А нелегальная?

С. Г.: А нелегальная — что-то вроде Гринберг, а имя и отчество оставили то же самое.

В. Д.: Конспираторы!

С. Г.: В кассу вначале я не пошла, и в институт тоже не пошла, а тут уже начался 17-й год. Но что-то делать нужно, и мне сказали в кассе, что меня...*(перерыв в записи)*

В. Д.: Софья Абрамовна, тут немножко остановилось, придется повторить. Мы остановились на том, что вас выпустили, решили, что вы никуда не поедете, перевели вас на нелегальное положение, приспособили вам другой паспорт, немножко изменив фамилию. Я как раз вас спросил, что ваша фамилия девичья была Гринблат, а теперь вы стали Гринберг. Та самая Гринблат, которая дала подписку о невыезде, просто исчезла где-то в Петрограде, а вы стали нелегальной. Последняя фраза ваша: «Что-то надо было делать...» Вот теперь рассказывайте.

Партийные поручения от Александра Шляпникова

С. Г.: Нет, просто мне что-то надо было делать не потому, что мне нужна была работа, работу я могла любую получить, то есть подходящую получить, но просто потому, что...

В. Д.: По партийной линии это было нужно.

С. Г.: Нужны были люди тогда.

В. Д.: То есть вас устроили на работу с тем, чтобы вы там одновременно исполняли партийное поручение.

С. Г.: Нет, я правда не знаю, как бы это было в дальнейшем, но там я, конечно, ничего не получала: ни денег, никакой зарплаты, ничего. Мне давали авансом деньги, и я ездила, ведь надо же билеты было...

В. Д.: То есть вы стали связной, как я понял.

С. Г.: Связной.

В. Д.: С кем вы имели дело?

С. Г.: Со Шляпниковым.

В. Д.: Со Шляпниковым. Это был крупный в то время большевик, но впоследствии...

С. Г.: А он был тогда представителем Ленина в Москве, исполнял...

В. Д.: Он был тоже на нелегальном положении? Не знаете?

С. Г.: Я не знаю, был ли он тогда под своей фамилией или нет. Он же приехал, когда еще была царская власть. Он какое-то время там был...

В. Д.: И он тоже вернулся из Швейцарии каким-то образом?

С. Г.: Он был не в Швейцарии, а во Франции. Он вообще очень долго был в эмиграции, и вот он приехал, потому что тут уже намечалась революция, бурно готовились к революции.

Александр Гаврилович Шляпников. Источник фото: www.peoples.ru

В. Д.: Понятно. Куда же он вас устроил?

С. Г.: Никуда. Я просто жила у своей знакомой, а он мне давал поручения: то туда надо пойти, тотуда-то, что-то надо отнести, что-то передать, причем это все конспиративно делалось.

В. Д.: Тут два вопроса. Во-первых, чем же вы все-таки жили?

С. Г.: А жила я... Во-первых, у меня остались деньги, что я получила прибавку военную от кассы. По тем временам это было много. Мать моя уехала, но все-таки денег мне прислали немножко из дому. И ведь это было не так уж много по времени.

В. Д.: Да, вы вышли из тюрьмы и перешли на нелегальное положение накануне 17-го года.

С. Г.: А потом Шляпников мне давал поручения. Мне надо ехать в Москву. Мне дали, я помню, двадцать пять рублей. Это были большие очень деньги.

В. Д.: Вам давали деньги на расходы по работе.

С. Г.: По работе и вообще. Очевидно, предполагалось на питание, потому что, когда я приехала потом и принесла ему сдачу, — я считала, что я должна тратить только на [билеты], — он просто рассмеялся, что никакой сдачи не надо: «Ты же ездила, надо было питаться, и все!» А в Петрограде я жила. Это были друзья, они ко мне хорошо относились. Вообще, время летело, воспринималось не так, как мы сейчас воспринимаем всякое событие.

В. Д.: Понятно, понятно. А в Москве-то вашим основным местом деятельности была какая-то гинекологическая лечебница?

С. Г.: Нет, я там не находилась, я только пошла к ней и передала то, что я привезла. Это имело большое значение. Я привезла какие-то указания.

В. Д.: Это в Москве или в Петрограде?

С. Г.: В Москве. Из Петрограда я привезла ей пакет. Там были указания не ей лично одной.

В. Д.: Понятно. Явочная квартира была.

С. Г.: Явочная квартира.

В. Д.: Но вы говорили о какой-то частной лечебнице.

С. Г.: Это не здесь, это в Петрограде. Я не работала. Это просто одна моя другая знакомая. Про Смидович сейчас... Первая — это когда я вышла, одна из сотрудниц больничной кассы, с которой я дружила, отвезла меня к своей сестре, которая работала в частной гинекологической лечебнице. Она там жила. Был такой порядок, что старшие сестры живут при...

В. Д.: Лечебном учреждении.

С. Г.: Вот она там жила. У нее была маленькая комната. Я у нее осталась, и все. Сколько мне нужно было.

В. Д.: А прописку не проверяли?

С. Г.: Нет, никто не проверял. Время было уже смутное, никто, видимо, этим уже не интересовался. А потом никто не знал, что я там и что я нелегальная. Только она знала.

В. Д.: А Смидович — это где?

С. Г.: А Смидович — в Москве.

В. Д.: В Москве, тоже в гинекологическом отделении.

С. Г.: А она в родильном доме здесь работала. И тоже жила там, по крайней мере там была явочная квартира. Я даже не знаю, может, она и жила, а может, и не жила. Мне было сказано, что надо пойти в таком-то часу, спросить такую-то, с ней поговорить и передать все, что я привезла.

В. Д.: Понятно. Скажите, как звали эту Смидович, не помните?

С. Г.: Я забыла, как ее зовут.

В. Д.: Это вот сестра Смидовича-Вересаева и следовательно сестра Смидовича — члена ВЦИК. Это ведь два брата¹.

¹ Петр Гермогенович Смидович и Викентий Викентьевич Вересаев были троюродными братьями. Не удалось точно установить, про какую именно Смидович говорит Софья Абрамовна Гастева. Она может быть как Софьей Николаевной Смидович, женой Петра Гермогеновича, так и его сестрой, Инной Гермогеновой. Обе женщины были революционерками.

С. Г.: Мне казалось, что это одно и то же лицо.

В. Д.: Нет, Вересаев никогда не был членом ВЦИК. Это был его брат.

С. Г.: Ах, вероятно, я не...

В. Д.: Даже может быть, двоюродный брат, точно этого я не знаю.

С. Г.: Наверное, брат, я не знаю, я просто этим не интересовалась. Я уже перешла в распоряжение Смидович, к которой я приехала. Я не у нее останавливалась. У меня был адрес там. Мне дали адрес одной девочки, у которой тут сестра жила. Точно я не помню, где я у них остановилась. Она, видимо, тоже была связной, но это как-то так не сообщалось. И я там остановилась. Пробыла я здесь несколько дней. Я в их распоряжение, видимо, была послана, потому что они в свою очередь меня послали в Нижний.

В. Д.: Ага, понятно. И вы из Москвы поехали в Нижний?

С. Г.: Я поехала в Нижний. Причем дали мне адрес, я точно помню: Выставочная. Тогда еще зима стояла, и на выставке никого. Я не нашла просто этого дома. И спрашивать-то ни у кого нельзя. И вообще там никакой особой улицы, а функционировал этот район только во время ярмарки. И я не смогла, по-моему, передать даже то, что нужно было. И я звонила как будто оттуда, или потом по приезде в Москву по телефону.

В. Д.: Междугородний, я не помню, был ли тогда. Если был, то очень сложно.

С. Г.: В Москве был. Между Москвой и Ленинградом, по-моему, был. Может быть, я что-нибудь путаю, может быть, по приезде я звонила, но я помню, что я там... Где я там остановилась, я точно не помню.

В. Д.: Это не важно.

С. Г.: При мне открыли тюрьму. Ночью это было, при факелах.

В. Д.: Это в Нижнем?

С. Г.: В Нижнем, да. Я шла, разыскивала все, а вдруг открыли тюрьму. Я не видела как, но я увидела людей даже в кандалах, были факелы, — это было какое-то феерическое зрелище.

В общем, я не нашла тех, кто мне нужен, к кому меня послали, я поехала из Нижнего в Москву. И поехала опять-таки к этой Смидович. И она мне сказала: «Вот мы вас послали, потому что вы были переданы в наше распоряжение на это время».

В. Д.: Понятно. Значит, это были последние дни февраля или первые числа марта 17-го года.

С. Г.: Да.

В. Д.: И вы их помните как раз в связи с вашей поездкой из Москвы в Нижний Новгород.

С. Г.: Это меня послала из Москвы Смидович. Я никого больше не видела, так сказать, из представителей партийного мира, я видела только ее. Кто распоряжается и чем, я не знала, конечно. Ну, а приехала туда... В общем, через какой-то очень короткий срок настала Февральская революция.

В. Д.: То есть это уже и была Февральская революция!

С. Г.: Это уже и была Февральская революция! Но я Шляпникова видела мельком один раз. Он был вот так по горло занят. А тогда приехал Ленин уже.

В. Д.: Ленин приехал 3 апреля.

Работа в экспедиции «Правды». Встреча с Лениным

С. Г.: Вот примерно в это время через несколько дней меня послали, не Шляпников, а кто-то, кто с ним работал. Вообще я знала этого человека. Я много людей знала. Так меня послали. «Правда» тогда начала выходить, и всю молодежь, девочек, мальчиков... На Мойке «Правда» выходила, кажется.

В. Д.: Издавалась «Правда»?

С. Г.: Да. Была редакция на Мойке, и меня послали туда. Я не знаю, там был занят весь ли дом или только несколько квартир. На втором этаже была редакция, на первом этаже была экспедиция. Мы писали адреса вручную. Всю молодежь, которая что-то делала в революции, чем-то помогала, выполняла какие-то обязанности... Нужно было тогда просто рассылать или разносить, я не знаю. Мы не отправляли, мы только писали адреса.

В. Д.: Понятно, писали адреса для рассылки «Правды».

С. Г.: Для рассылки, или разносили — я не...

В. Д.: Понятно. Вы говорите, что Ленин приехал. Значит, уже весна.

С. Г.: Ленин был. А на втором этаже была Мария Ильинична секретарем. Если вас интересует, я могу рассказать, какая там была демократическая обстановка, как нам приносили туда обед. Тогда очень плохо было с хлебом.

В. Д.: Да, уже. Во-первых, хлеб подорожал вдвое к 17-му году.

С. Г.: Вообще нельзя было его достать, было трудно. Видимо, и очень дорого. Надо было стоять в очереди и всё такое. А тут все ж таки была... Мы-то писали адреса, а они делали что-то более серьезное. Надо же было как-то кормить всю эту армию. Надо же как-то есть. Тогда еще существовали трактиры. И из какого-то трактира приносили туда обед, причем обед был вполне сносный. Но чем мы были поражены, что внизу, где была экспедиция, где-то в стороне была большая комната. Что в ней раньше было, я не знаю. Длинные столы там были поставлены, простые лавки поставлены. Вероятно, уже оборудовали в то время, там раньше что-то другое было. И туда приносили этот обед, и мы все бегали туда обедать. И редакция там обедала, но как-то мы редко встречались. Так как я везде всегда задерживалась, вообще, был у меня грех, то есть я опаздывала: все уже поели, а я еще что-то делаю и потом пойду, вот скоро пойду. И раз так получилось, что я пришла туда, и уже все поели, а столы еще были накрыты. Причем хлеб, который приносили... Мы были поражены, когда увидели, и я в том числе была поражена, что хлеба было подано очень много, тогда так не давали. Когда я попробовала, я поняла, почему его так много: он был из протухшей муки, плохой был. Мука была недоброкачественная.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: И он очень плохо пахнул. Мы тогда еще были взыскательны как-то, и почти никто не ел хлеба этого.

В. Д.: Хлеб к тому времени, это я знаю просто по литературе, подорожал вдвое и стоил не две с половиной, а пять копеек за фунт. Фунт — четыреста грамм, то есть гривенник — килограмм по-теперешнему.

С. Г.: Ну да.

В. Д.: И давался уже по карточкам.

С. Г.: Карточки были.

В. Д.: Карточки были, и выдавали тогда — вот я не помню...

С. Г.: Я не помню тоже. Какую-то норму небольшую.

В. Д.: Да, какую-то норму, по фунту хлеба, кажется.

С. Г.: Знаете, почему-то женщины всегда не успевают чего-то. Я не могла поспеть выкупить этот хлеб, потому что надо было стоять в очереди, а я торопилась всегда.

В. Д.: В общем, голод еще не брал за горло в то время.

С. Г.: Да, можно было как-то обойтись. Приносили обед, и большинство не ели этот хлеб. И я одна-одинешенька, я помню этот день, о котором я вам рассказываю, пришла, никого уже в столовой нет. Все уже поели и вернулись обратно, а я пришла, причем это в том же помещении. Когда я взяла кусочек хлеба и попробовала, я его положила, мне уже не захотелось хлеба. Мне там суп дали, что-то дали поесть, приносили из трактира обычное, рядовое.

В. Д.: Понятно, понятно. Ну и что, вы там встретили?

С. Г.: В это время пришел Ленин и сел за стол. Зашел, поздоровался, так кивнул, сказал: «Здравствуйте». Я ответила. И ему подали обед. Я наблюдала, как он поел этот обед и съел порядочно этого хлеба, вероятно, даже не заметив, что он тухлый. Я вам только вот это хотела рассказать, а вообще обстановка была... Еще раз я его там непосредственно лицом к лицу видела. Там был телефон, один — внизу, другой — наверху, но они сообщались, а звонок был один. Позвонили, я подошла к телефону, а попросили Ленина. Я поднялась наверх и сказала ему, что его к телефону. Это был второй этаж. Помню, как Мария Ильинична сидела там.

В. Д.: А Мария Ильинична была ответственным секретарем редакции «Правды»?

С. Г.: Да, она была секретарем «Правды».

В. Д.: А вы с большевиками связались еще в кружке в больничной кассе?

С. Г.: Да, в больничной кассе.

В. Д.: С самого начала при всем многообразии политическом вы там определились.

С. Г.: Да, там вообще страшно много разговаривали, страшно много было ожесточенных споров.

Киоск газеты «Правда» на Дворцовой площади. 1917. Источник фото: russiainphoto.ru

Знакомство с Алексеем Гастевым

В. Д.: Да, ну что ж, очень интересно о вашей революционной работе. Ну и что же, вскоре после этого вы познакомились с Гастевым?

С. Г.: 17 июня 1917 года.

В. Д.: Ну вот, а вы рассказывали об апреле 17-го года. Вот апрель, май продолжалась ваша партийная работа. И с Гастевым вы познакомились 17 июня 1917 года.

С. Г.: Да.

В. Д.: Вот в связи с чем?

С. Г.: В связи с тем, что когда я вернулась, я сказала тогда мельком Шляпникову, что у меня подотчетные деньги, что встретимся, и я ему отчитаюсь. Он как-то не обратил внимания. Когда я уже работала в экспедиции «Правды», я решила в один из воскресных дней, потому что время проходило как-то очень быстро, отнести ему деньги. Я жила на 8-й Рождественской, а он где-то вроде на 3-й, на одной из Рождественских.

В. Д.: Это в Петрограде?

С. Г.: В Петрограде.

В. Д.: Так. Вы пропустили только один момент, как вы вернулись в Москву. Просто вернулись, и все, простите, как вы вернулись из Москвы в Петроград? Вы были в февральско-мартовские дни в Нижнем?

С. Г.: В Нижнем.

В. Д.: Сказали, как вы вернулись в Москву. А теперь опять из Москвы вернулись в Петроград? Который вас...

С. Г.: Посылал, да.

В. Д.: То есть от Смидович вернулись к Шляпникову, так?

С. Г.: Да, я вернулась, но я его видела мельком один раз, а потом, кто из них, я уже не помню, наверное, сам Шляпников мне и сказал: «Пойдете работать в „Правду“».

В. Д.: В экспедицию «Правды».

С. Г.: Он мне сказал адрес, я пошла туда.

В. Д.: И вот вы стали писать адреса.

С. Г.: Да. А в один из воскресных дней, когда я была свободна, я пошла к нему на квартиру, чтобы отнести эти деньги, сдачи у меня было что-то...

В. Д.: И он вам сказал: «Не надо».

С. Г.: Нет, я позвонила, он мне открыл и ввел в комнату. Там сидело, сколько их было, — Веселов, Шляпников, Гастев, Волков, — я не помню точно, сколько было членов Центрального комитета. Если вас заинтересует, я могу...

В. Д.: Простите, вы говорите Центрального комитета, но не...

С. Г.: Металлистов!

В. Д.: Центральной комитет Союза металлистов.

С. Г.: Союза металлистов. Причем это был временный комитет! Именно в этот день он был выбран. Они прямо с выборов пришли все к Шляпникову и сидели. Был накрыт стол, стояло легкое вино. Он европеец был. Шляпников, по-моему, водку не пил, по крайней мере, я не видела этого. Стоял чай, такой красиво накрытый стол, и все. Они сидели и разговаривали, все очень возбужденные. Конечно, меня встретили. Я смутилась очень: в такую компанию — исключительно мужчины одни были!

В. Д.: Так, вот теперь я немного повторяю ваши слова. Значит, весь апрель и май вы работали в этой экспедиции «Правды», а в июне уж собрались к Шляпникову, чтобы отдать ему деньги, так?

С. Г.: Я собралась.

В. Д.: Вы собрались. И вот 17 июня это и произошло.

С. Г.: Я пришла, день свободный, была очень хорошая погода, я помню. Я пришла и наткнулась на такое общество. Конечно, я была очень смущена.

В. Д.: И в это мужское общество пришла молодая девушка.

С. Г.: Пришла. Тут я не стала, конечно, говорить о деньгах. Я сказала, что я пришла с отчетом. Меня усадили, получилось, что я в гостях очутилась. Я помню, что было очень много таких интересных разговоров.

В. Д.: Вот и расскажите подробно.

С. Г.: Гастева я видела впервые. Там были люди, которых я раньше встречала, но Гастева я видела впервые.

В. Д.: Это все были члены временного комитета профсоюза металлистов.

С. Г.: Это были вновь выбранные члены комитета. Это были организаторы временного комитета союза металлистов. Рубцов там был, еще одну фамилию я забыла. В общем, я их всех, конечно, знаю и помню.

В. Д.: А Гастева вы видели в первый раз?

С. Г.: Я его видела первый раз. Он не очень задолго до этого приехал. Он был до революции в ссылке в Нарыме. Или не касаться сейчас этого?

В. Д.: Это вы потом скажете.

С. Г.: Потом. В общем, он приехал и включился в работу с металлистами. Ну, никакого союза не было в это время вообще. Они вот всесоюзный организовали, понимаете. В Петрограде-то был раньше союз металлистов, который существовал при царизме еще. А вот этот временный комитет был избран уже объединенный, так сказать, всесоюзный. Но это был временный комитет, который просуществовал там, пока был назначен постоянный комитет. Вот после этого собрания они устроили чай у Шляпникова. Тогда я встретила Гастева.

В. Д.: И вы тогда и познакомились?

С. Г.: Д, я познакомилась, и вообще со всеми познакомилась, с кем я не была знакома. Шляпников меня спросил при всех: «Ну как там в „Правде“?» «Да, — говорю, — пишем, но надо сказать, работа скучная». Ну, сидишь и пишешь эти этикетки. А он говорит: «Пойдете работать во Временный центральный комитет?» Я говорю: «А как там?» — «Надо сказать, что...» Там просто была заведующая, такая более взрослая женщина, а работала все молодежь. Совершенно зеленая молодежь работала, а она так. Тогда она мне казалась очень взрослой, ей было, может быть, тридцать, может быть, двадцать пять лет, я не знаю. И я ей сказала, что мне предложили пойти работать во временной Центральный комитет металлистов. Ну и все, тогда никакого особого оформления не было. Он сказал: «Придете в понедельник». Я пошла туда и стала работать.

В. Д.: И там же работал Шляпников?

С. Г.: Там работал и Шляпников, там работал и Гастев.

В. Д.: А Шляпников стал председателем этого...

С. Г.: Шляпников был председателем, потом Гастев был. В общем, тут есть точное изложение всего, чтоб я не напутала, я вам зачитаю. Я вам скажу, я никогда на этой революционной работе не акцентирую, потому что я потом... Тогда не было особых формальностей. Как я пришла, так я автоматически и выбыла вообще из...

В. Д.: Вы формально были членом партии?

С. Г.: Какое-то короткое время. Потом, когда у меня появился ребенок, я считала, может быть, это очень наивно было, я потом об этом думала, но я считала, что раз я буду сидеть дома и занята ребенком, какая от меня польза, и я вообще как-то отошла.

В. Д.: Вот сейчас только давайте спросим, какое у вас первое впечатление было от Гастева? Ведь вы были девушкой совсем молоденькой, то есть вам в это время было восемнадцать лет.

С. Г.: Да, девятнадцатый год.

В. Д.: А Гастеву в это время уже было под сорок?

С. Г.: Нет, ему было, по-моему, тридцать четыре года.

В. Д.: Ну да, тридцать пять – тридцать четыре года.

С. Г.: Между прочим, он и впоследствии был очень моложавый, а тогда он как-то выглядел очень молодым. Он произвел на меня впечатление не такого характера, а вот именно... Он очень интересно говорил, он явно очень умный человек был.

Алексей Капитонович Гастев. Источник фото: www.nashabolovke-gallery.com

В. Д.: Когда вы его встретили там, вас тут же познакомили?

С. Г.: Да, тут же, мы сидели в комнате так. А потом я пришла, как Шляпников мне сказал, чтобы я пришла на работу туда, раз там скучно работать.

В. Д.: Шляпников вас послал к Гастеву, да? То есть я хочу сказать, что Шляпников вас свел с Гастевым. Так?

С. Г.: Ну, мы как-то так... Я там работала первое время техническим, что ли, секретарем, что-то какой-то областью я там ведала.

В. Д.: В Психоневрологический институт вы не возвращались больше?

С. Г.: Я вообще в институт... Мне надо было сдавать государственные экзамены.

В. Д.: Вы его не кончили?

С. Г.: Я не сдала просто, я не сдавала. Я потом хотела. Собственно говоря, когда у меня уже было трое детей, когда я хотела поступить на химический факультет... Была такая Военно-химическая академия, там мои подруги многие учились. Я готовилась усиленно, подала заявление, и было явно, что я должна... И в это время вышел приказ по наркомату о том, что женщин перестали принимать. Действительно, до определенного какого-то года. И я получила сообщение, что экзаменов не будет для женщин, ну и так...

В. Д.: Тогда давайте сделаем так. У меня осталась пленка, новую кассету начинать не будем, а вы доскажите после вот этого очень подробного и интересного рассказа о вашей партийной работе, доскажите пунктиром вашу линию, вашу биографию. Значит, вы познакомились с Гастевым и были работником профсоюза металлистов. Дальше кем вы работали и когда вышли за него замуж?

С. Г.: Когда? Довольно скоро.

В. Д.: Довольно скоро. То есть вы в 17-м же году вышли за него замуж, да?

С. Г.: В конце 17-го, то есть мы не оформляли тогда.

В. Д.: Понятно, тогда никто не оформлял. И продолжали работать в этом ЦК профсоюзов металлистов?

Жизнь с Гастевым на Украине

С. Г.: Да, продолжала работать, и он продолжал, а потом тогда уже, когда Украина была захвачена немцами... В общем, там были сведения, что захватили руководство меньшевики в Украинском комитете. Так Гастева командировали туда для усиления работы.

В. Д.: И вы с ним поехали?

С. Г.: И я с ним поехала.

В. Д.: И так вы очутились на Украине?

С. Г.: Так мы очутились на Украине. Не только его они не захотели принять, но и меня даже на работу не взяли. Мы очутились в таком положении, что надо было как-то устраиваться другим путем. Он поступил на паровозный завод, где делают паровозы, — Харьковский паровозный завод.

В. Д.: Харьковский паровозный завод?

С. Г.: Да. А я еще до того, потому что деньги у нас иссякли, а как-то надо было...

В. Д.: Голодно было уже.

С. Г.: Ну, трудно было. Там можно было все купить, но денег не было уже. Но об этом говорить...

В. Д.: Нет, пунктиром расскажите, исторически как это...

С. Г.: Вы не записывайте сейчас. Подождите, я сейчас вспомню, как это было точно. Мы сначала поселились... Во-первых, негде было жить. Мы поселились у одной старухи недалеко от паровозного завода, которая торговала семечками.

В. Д.: Подробности не надо. Вы сейчас пунктиром расскажите.

С. Г.: В общем, я там устроилась на какую-то работу. Тогда начали появляться кооперативы, торговые кооперативы. Так я в порядке какой-то общественной работы там что-то делала. Я уж не помню, в чем заключалась эта моя общественная работа, там собрания какие-то были.

В. Д.: Это не важно.

С. Г.: Не важно, и я там устроилась, и кое-как мы просуществовали, пока Гастев поступил на Харьковский электрозавод.

В. Д.: Вы сказали, на Харьковский паровозный завод.

С. Г.: Нет, нет, он не поступил на паровозный завод. Паровозный завод — это мы просто поселились рядом. Это была рабочая часть города, мы там жили.

В. Д.: Так, но я сейчас спрашиваю вашу биографию пока. Вы живете на Украине. Сколько времени вы пробыли на Украине с ним?

С. Г.: В общем, мы прожили там до того, как...

В. Д.: Как советская власть пришла?

С. Г.: Как советская власть пришла, да. Мы там уже завели литературные связи, и он стал...

В. Д.: О нем вы подробно расскажете в следующий раз. Сейчас вы расскажите... Вы жили с ним в качестве его жены и работника, одновременно работая где-то.

С. Г.: Мы оттуда не уехали.

В. Д.: На Украине.

С. Г.: На Украине.

В. Д.: И до какого же года вы жили на Украине?

С. Г.: Вот до переворота.

В. Д.: Там много было переворотов. До 21-го года вы там оставались? Или вы вернулись?

С. Г.: Нет, мы раньше уехали, не в 21-м году, а уже, по-моему, в конце 19-го года Деникин стал наступать.

В. Д.: В общем, дальше ваша биография — это биография Гастева.

С. Г.: Да, мы вместе жили.

В. Д.: Вы вместе жили. И когда он стал литератором...

С. Г.: Тогда уже все эти власти... В общем, когда красные стали наступать и брали город за городом, когда Киев... Нет, Киев потом, подождите.

В. Д.: Хорошо, я вам дам подумать.

С. Г.: Промаялись. Он устроился на работу, я как-то немножко тоже подрабатывала в этом кооперативе, что-то делала там, что-то писала какие-то...

В. Д.: Ну и жили там.

С. Г.: Ну и жили там очень не... Как вам сказать, без всяких перспектив, но мы знали, что это временно, чувствовали, что это временно.

В. Д.: А вернулись потом в Москву?

С. Г.: Когда советская власть там обосновалась, сразу были организованы и наркоматы, и все, как в Москве. В общем, Гастев тут был назначен комиссаром искусств.

В. Д.: Хорошо. Вы подробно подготовитесь и расскажете мне всю биографию Гастева, как вы помните. Сейчас вам экспромтом это говорить трудно.

С. Г.: Да.

Арест Гастева

В. Д.: Я только хочу выяснить, вы с Гастевым были дальше всю его жизнь?

С. Г.: Да, всю, до его ухода.

В. Д.: До его ареста, так?

С. Г.: Да.

В. Д.: Арест был в каком году?

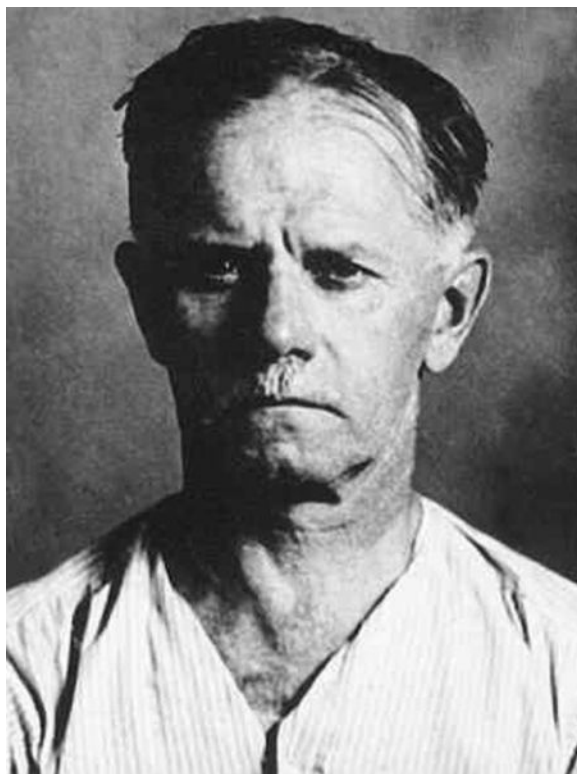
С. Г.: В ночь на 7 сентября 38-го года.

В. Д.: 38-го года. Его арест. А вы сами?

С. Г.: Я сама была арестована... Как потом выяснилось, после реабилитации я узнала точно, что... Я была арестована в ночь, за две ночи под 1 мая 39-го года. А его дело (у меня же справка была по реабилитации) слушалось в конце апреля за два или за три дня до этого.

В. Д.: Значит, я вас понимаю так: он был арестован, как тогда называлось, как враг народа в 38-м году.

С. Г.: Да.

Тюремная фотография Алексея Капитоновича Гастева. 1938. Источник фото: nkvd.tomsk.ru

В. Д.: Затем его дело слушалось, и за несколько дней до этого вы, как член семьи...

С. Г.: Не за несколько дней до этого, а после этого, через два дня после этого.

В. Д.: Через два дня после этого.

С. Г.: Да.

В. Д.: Просто по инерции, да?

С. Г.: Это автоматически, очевидно, делалось, понимаете. Ведь мы же ничего не знали: ни когда дело, ни было ли дело, судили ли или чего. Ведь это никто не знал.

В. Д.: Ну, это все известно.

С. Г.: Это все известно. Когда я получила справку о реабилитации, у меня есть число, когда реабилитирована, а я через несколько дней была арестована, через пару дней, по-моему, через два дня.

В. Д.: Через два дня после того, как был о нем — что?

С. Г.: Ничего не было! Ничего не было! Мы ничего не знали: ушел человек и ушел. Я ходила, я везде справлялась. Вначале я обнаружила у себя одну единственную или две, кажется, передачи. Деньги только брали, пятьдесят рублей в месяц. Я передала еще на Лубянку. Потом я была больна, или что-то, я не помню. Старший сын пошел с передачей. Пришел: «Мама, его там нет, не приняли деньги». Стали разыскивать. Я пришла, мне сказали, что он переведен в Бутырки якобы. Я пошла в Бутырки — не наш день, не та буква. Мне сказали, когда еще та буква будет. Я один раз отнесла. Мы такие «умники», что мы решили передать в три приема, чтобы знать хоть: он будет знать, что мы существуем, и мы будем знать, что у нас принимают. Так надо было передать хотя бы сорок рублей, а две по пятерке в конце месяца, то есть за этот месяц не сразу можно было отдавать.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: Так я такая «умница» отнесла пять рублей, а потом — нету, нету нигде.

В. Д.: Исчез.

С. Г.: Исчез. А потом вдруг я узнала... Я ходила везде, я стала ходить по тюрьмам и обнаружила, что он находится в Лефортово. В Лефортово меня не приняли сразу: опять-таки буква эта злосчастная. Допустим, мне на букву Г нужно.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: Вы же знаете этот механизм. А потом все!

В. Д.: Исчез.

С. Г.: Исчез, и все. И так с этими пятью рублями, которые я туда передала, он и остался. А теперь я уже знаю, раз его судили в мае, — это не очень долго, но там сидеть — это кажется, что это страшно долго.

В. Д.: Его довольно быстро судили после ареста.

С. Г.: Ну как быстро? Он был в сентябре взят! 38-й год, в ночь на 7-е. Значит, начало сентября. А судили его... Нет, он много просидел, больше полугода. Во всяком случае, вполне достаточно времени, чтобы человека просто умертвить даже без всякого расстрела. Он был уже переведен в Лефортово.

В. Д.: Никаких известий вы после этого от него уже не получали?

С. Г.: Ничего не получали.

В. Д.: И узнали о дате его смерти из справки по реабилитации. А вас саму арестовали...

С. Г.: Под май, я не помню за сколько, за день или за два, или за три. Я просто...

В. Д.: 39-го года.

С. Г.: Это Юрка помнит хорошо, я забываю.

В. Д.: И вас выслали?

С. Г.: Меня не выслали, я провела тут какую-то часть на Лубянке.